

И.А. Гордеева, О.В. Заславская

Хиппи бросают вызов историкам:
современные проблемы собирания
и публикации документов
по истории новых социальных движений

В статье дается анализ перспектив сохранения документального наследия новых социальных движений (НСД) на примере независимого мирного движения в СССР. Решение этой проблемы особенно актуально в связи с тем, что социально-политическая и культурная специфика подобных движений не способствует документированию их истории, что значительно осложняет работу профессиональных историков. В статье, в том числе и на опыте самих участников НСД по формированию «виртуального архива» своего движения, показана актуальность и намечены перспективы развития информационных технологий, цифровой гуманитаристики и методов сетевой гражданской науки и их применения в архивной и археографической практике.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, новые социальные движения, низовое мирное движение, пацифизм, негосударственные архивы, советские хиппи, реконструкция архивных фондов, краудсорсинг, сетевая гражданская наука.

Социальные движения, как «свободно организованные коллективы, действующие совместно в неинституализированной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе»¹, являются важнейшей частью современной жизни, они «позволяют взглянуть на возможные сценарии будущего и являются в известном смысле средствами его воплощения»². Н. Луман рассматривает социальные движения как одну из самовоспроизводящихся подсистем общества, объясняя их сущность как протест «жизненного мира» против колонизации «системой»³. С его точки зрения социальные движения выполняют функцию иммунной системы

общества, указывая на нарушения общественной коммуникации, являясь, таким образом, чуткими индикаторами состояния общества, его явных и скрытых проблем и достижений.

Развитие теории социальных движений привело к появлению новых подходов и терминов, их описывающих. В современной историографии особенно актуальным является вопрос о роли неполитического измерения в изучении современных социальных движений (в первую очередь – молодежных). Исследователи разделяют традиционные и новые социальные движения (НСД): если первые преимущественно ставят перед собой цель борьбы за политическую власть, то НСД в первую очередь направлены на изменение ценностей и стилей жизни⁴.

Изучение истории социальных движений – одна из важных исследовательских задач для представителей разных дисциплин. Как отмечала в 2008 г. исследователь панк-движения в России О. Аксютина, «российское академическое сообщество до недавних пор упорно обходило своим вниманием как молодежные субкультуры, так и современные низовые протестные движения и контркультуры»⁵. С тех пор ситуация почти не изменилась; если социологи, политологи и антропологи хоть в какой-то степени проявляют интерес к НСД, то, к сожалению, историки не спешат заняться их изучением. На наш взгляд, одна из главных причин такой ситуации связана с проблемой поиска исторических источников, необходимых для изучения данного феномена.

В данной статье основное внимание будет уделено особенностям источниковедческой базы для изучения НСД на примере низового мирного движения в Советском Союзе в период позднего социализма и первые годы перестройки, а также современному состоянию и перспективам археографического освоения этой базы. Необходимо отметить, что природа социальных движений, особенно в условиях авторитарных режимов, создает особые сложности для идентификации документальной базы для их изучения. В отличие от политических партий и организаций, являющихся субъектами традиционных общественных движений, группы, участвующие в НСД, мало обращают внимания на документирование своей деятельности и очень редко оставляют после себя целостные архивные фонды, что связано с рядом причин, на которых мы остановимся ниже.

Начнем с того, что любое социальное движение обладает «диффузной коллективностью с низким уровнем формальной организации»⁶, а НСД к тому же имеют пеструю социальную базу, которая самоорганизуется в разветвленные социальные сети. Сам характер

самоорганизации НСД не способствует документированию их активности; хотя социальные движения «существуют дольше, чем толпы, массы и сборища, и более интегрированы по сравнению с ними», но, тем не менее, они «децентрализованы и не принимают формы жесткой, иерархической организации»⁷. Для их организационной структуры характерна децентрализация, самоуправление, горизонтальные коммуникации, сознательно противопоставляемые строению иерархически-бюрократических структур институциональных организаций и старых движений. Характерные для НСД неформальное членство и неустойчивая численность также делают проблематичным собирание и сохранение их документального наследия.

Наглядным примером тех сложностей, которые возникают в процессе формирования документального наследия НСД и современных проблем с его публикацией, является проблема источниковой базы по истории низового мирного движения в СССР (также известного как пацифистское движение). Это движение – одно из НСД, возникших в странах Восточной Европы в позднесоветский период. Хотя в последнее время появились работы, посвященные низовому мирному движению в странах Восточной Европы⁸, аналогичное движение в Советском Союзе остается неизученным.

В историческом плане советское низовое мирное движение является связующим звеном между правозащитным движением и новейшими НСД: возникнув в конце 1970-х годов, оно заявило о себе в публичном пространстве в 1982 г. и сошло на нет в начале 1990-х. Будучи тесно связанным с неформальными движениями и первыми протопартийными формированиями периода перестройки, оно имеет свои корни в общественно-политических идеях мировой научной общественности периода «холодной войны», движения отказников, а также в субкультуре советских хиппи. При этом структурно и идеологически независимое мирное движение ближе к российским НСД 1990–2000-х гг.

Среди основных неформальных групп, составлявших это движение, можно отметить, во-первых, такие объединения, как *Группа за установление Доверия между СССР и США (Востоком и Западом)* с ее отделениями в разных городах; семинар *Демократия и гуманизм* (Москва); группа *Дружба и диалог* и семинар *Мирные и социальные исследования* (г. Долгопрудный); группа *Свободная инициатива*; социальная сеть советских хиппи («Система»); *Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР* и ее зарубежное представительство; экуменический кружок Сандр Риги; *Транснациональная радикальная партия (ТРП)* и ее отделения в советских

республиках; партия *Демократический союз* (в ранний период своей истории); *Радикальная ассоциация за мир и свободу (РАМС)*, *Антимилитаристская радикальная ассоциация (АРА)*. Кроме того, это ряд неформальных организаций перестроечного периода, связанных с проблемами эмиграции и народной дипломатии (*Вахта мира*, *Братство диалога*, *Свобода эмиграции для всех*, *Дипломатия граждан*); общедемократические и анархистские объединения, участники которых в той или иной степени разделяли пацифистскую повестку дня (Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), Коммуна-1 и Движение молодежи за мир и свободу в Пскове. Также с движением были тесно связаны зарубежные группы, созданные с целью солидарности и поддержки низового мирного движения в СССР (U.K. Trustbuilders, голландская Groepna Doverija, социальная сеть Neither East Nor West, Peace Magazine и др.)

Социальная база низового мирного движения разнообразна и весьма парадоксальна. В 1980-е годы к нему принадлежали отказники⁹, участники еврейского эмиграционного движения, физики, математики, инженеры и другие ученые, художники-нонконформисты и рок-музыканты, пятидесятники из незарегистрированных общин, инвалиды. Принимали участие в движении и отдельные диссиденты и представители советского леворадикального подполья. На разных этапах развития движения численное соотношение представителей тех или иных группы было различным. Кроме того, почти каждая из упомянутых групп была сложно структурирована, что хорошо видно на примере хиппи.

Движение хиппи появилось в СССР в конце 1960-х годов. «Система», как они сами себя называли, представляла собой весьма пестрое сообщество «хиппующей, божественной, просто неприкаянной публики», которая выделялась своим внешним видом, собиралась на свои тусовки, путешествовала автостопом по стране¹⁰, увлекалась рок-музыкой, экспериментировала с наркотиками, заявляла о своей приверженности идеалам пацифизма и свободной любви, при этом находилась в интенсивном религиозном поиске. Хиппи, как носители неофициальной, контркультурной идеологии, активно контактировали с рок-тусовкой, диссидентами, художниками-нонконформистами, писателями и поэтами, музыкантами и другими представителями богемы, с религиозными кругами, фарцовщиками.

История советских хиппи и прочих представителей «автономных сообществ» 1970–1980-х годов находится на пересечении социальной, политической, интеллектуальной и культурной истории и выводит исследователей на изучение проблемы генезиса НСД.

Первое, с чем сталкивается историк советских хиппи и прочих протестных субкультур – практически полное отсутствие источников в государственных архивах. В случае с хиппи ситуация осложняется еще и тем, что это преимущественно молодежное движение. Молодым людям редко свойственно заботиться о документировании своей деятельности, следы которой тем не менее можно найти в документальных массивах тех или иных контролирующих структур государства, предметом пристального наблюдения и дисциплинарного воздействия которого является молодежь.

НСД, как правило, в своем составе имеют маргинальные группы и представителей самых различных меньшинств: национальных, сексуальных, религиозных и других. Более того, в силу особенностей социальной истории, в ходе своей жизнедеятельности представители этих групп еще больше маргинализируются (становятся тунеядцами, алкоголиками, наркоманами, бродягами, практикуют суицид, лишаются родительских прав, попадают в тюрьмы и психиатрические больницы и т. п.). Собрание и сохранение источников, созданных в таких маргинальных средах, всегда было большой проблемой. Точка зрения государства и его экспертов (социологов, культурологов, этнографов и религиоведов) на подобные явления является весьма пристрастной, а потому источники официального происхождения в данном случае будут малоинформативными.

Советские неформалы 1970–1980-х годов, стремясь уйти от внимания государства, создавали альтернативные социокультурные пространства, что также препятствовало складыванию документальных комплексов. Участники неформальных движений были склонны к социальному эскапизму и экспериментам с образом жизни, что порождало нетрадиционные гендерные, брачные, демографические практики, формы образования и самообразования, трудовой занятости («поколение дворников и сторожей») и расселения (флэты, коммуны, сквоты и т. п.). Кроме того, для них характерно крайне негативное отношение и к социалистической идеологии, и к капитализму с его культурой потребления, а также дисциплинарным институтам государства. Критикуя эти явления, они создавали идеологические тексты, которые редко попадают в поле внимания исследователей. Эти тексты можно найти в музыкальной культуре, самиздате и фольклоре, они хранятся чаще всего в частных коллекциях, и, соответственно, постоянно находятся под угрозой уничтожения.

НСД нередко зарождаются в пространстве художественного, литературного и музыкального андеграунда, который оставляет после себя весьма нестандартные литературные и художественные

источники. Также они тесно связаны с религиозными поисками, интересом к традиционным и нетрадиционным религиям и духовным практикам. Религиозные обращения нередко приводили к уничтожению личных архивов за более ранний период биографии участников НСД, который с точки зрения обретенной веры переоценивался негативным образом.

Еще одна особенность НСД, негативно влияющая на документирование их деятельности, состоит в том, что такие движения «живут внутренней, политически невидимой жизнью», они игнорируют «политическую борьбу» в традиционном смысле этого понятия – как борьбу за власть. НСД стремятся изменить общество посредством изменения культуры, ценностей, норм, символов, стилей жизни, идентичностей. Традиционной политической борьбе они противопоставляют политику «от первого лица», политику стилей жизни, политику «повседневности», суть которой – восприятие «частного» как «политического». Соответственно, спонтанный, стихийный, внеинституциональный характер носят и формы коллективных действий НСД, выражаясь в методах прямой демократии (демонстрации, митинги, марши протеста, захваты территорий и зданий и т. п.) и в различных методах продвижения в обществе желаемых культурных новаций.

Пацифистское движение изначально строилось по сетевому принципу («Система» советских хиппи, участвовавших в движении, – это в том числе и система «вписок», флэтов, опорных точек коммуникаций в виде кафе, тусовок и автостопа; аналогичным образом было устроено движение евреев-отказников, из которого рекрутировались участники Группы Доверия). Соответственно какая-либо организованная система сбора и хранения документов и артефактов не существовала.

Поиск первоисточников по истории низового мирного движения весьма непросто еще и по причинам, связанным с особенностями восприятия участников НСД в СССР. Как правило, они рассматривались представителями советской власти не как общественное движение, а как социальная девиация (тунеядцы, хиппи-наркоманы и т. п.), в качестве таковой они фиксировались в документах официальных организаций и карательных органов. Не только у представителей властей, но и в целом в «большом» обществе они не находили понимания, им отказывали в искренности. К тому же и сами участники движения далеко не всегда осознавали себя именно в качестве общественных деятелей. Как общественные активисты они были гораздо лучше известны за рубежом, чем в России. В связи с этим неудивительно, что наиболее крупные массивы до-

кументов по истории низового мирного движения можно найти за рубежом, в архивах самиздата.

При этом представители НСД, в том числе и хиппи, становились объектами правозащитной деятельности и героями самиздата диссидентов – своих старших более опытных и политизированных товарищей по борьбе. Так, в ведущем издании правозащитников Хроника текущих событий (ХТС) упоминаются несколько человек из среды хиппи, которые подвергались преследованиям, среди них и Ю. Бураков (Солнце) – лидер «Системы» начала 1970-х годов¹¹. Коллекции самиздата являются самым перспективным направлением с точки зрения поиска исторических источников для изучения НСД.

Хорошо описанный и каталогизированный Архив Самиздата, хранящийся в Будапеште, является одним из самых важных источников для изучения НСД¹². Он содержит в себе в том числе и тематические подборки самиздата и материалов советской и зарубежной прессы – сотни уникальных, ранее нигде не публиковавшихся и не цитировавшихся документов по истории независимого мирного движения в СССР. В основном это документы, освещающие деятельность Группы Доверия, неформальной организации советских хиппи Свободная инициатива и Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР. Оказалось, что история этих групп, практически не представленных в работах профессиональных историков, настолько хорошо обеспечена материалами, что, например, историю Группы Доверия можно реконструировать на базе этих источников чуть ли не по дням.

Настоящим сюрпризом для историков стал тот факт, что ныне здравствующие участники низового мирного движения, а именно советские хиппи, не дождавшись, когда их начнут изучать профессиональные исследователи, занялись реконструкцией истории своего движения, используя для этого все доступные средства, в том числе и виртуальное пространство¹³. Хиппи даже сами занялись устной историей¹⁴. На интернет-форумах бывших советских хиппи и прочих специализированных ресурсах¹⁵ ведутся дискуссии о самом феномене советских хиппи и их историческом опыте. Казалось бы, исчезнувшее, уже более двадцати лет не существовавшее сообщество советских хиппи сумело возродить себя в виртуальном пространстве, причем значительную часть в этом возрождении занимает публикация воспоминаний и коммуникация по поводу прошлого – одновременно и ностальгическая и критическая. Многочисленные ресурсы в Интернете предоставляют площадку для хранения огромного фотографического и художественного насле-

дия советской контркультуры, общения и споров, стихийного развития *digital humanities* (цифровая гуманитаристика) силами самих оставшихся в живых представителей этих субкультур.

Особое место среди публикаций занимают львовские издания – воспоминания, художественные произведения и прочие материалы по истории львовской неформальной тусовки¹⁶. Страничка львовского хиппи Алика Олисевича (Алик Львовский) в фейсбуке даже содержит специальный раздел с отсканированными материалами прессы.

Выход в свет сборников львовских хиппи является целиком заслугой львовского врача-анестезиолога И. Банаха, чуть раньше него восстанавливать память о львовских неформалах начал бывший участник рок-группы «Вуйки», а ныне краевед Илько Лемко (И. Семенов). Основателем ресурса hippu.ru является близкая к хипповой идеологии Л. Малышева.

Историки и архивисты, как, впрочем, и представители других гуманитарных наук, сильно отстают от самих участников изучаемых ими событий в плане собирания и публикации первоисточников. Тем не менее их профессиональное участие в деле сохранения памяти об истории социальных движений в позднесоветское и постсоветское время крайне необходимо по ряду причин. Во-первых, почти тотальный аполитизм подавляющего большинства хиппи и представителей музыкального и художественного андеграунда, который с конца 1980-х в большинстве случаев только возрастал, привел к тому, что они отказывают в общественной значимости инициативам тех своих современников, которые целенаправленно занимались общественной борьбой, указывая на их сугубо корыстные мотивы или объясняя их деятельность с помощью теорий заговора.

Во-вторых, это изолированность восприятия: зачастую создатели «ностальгических» ресурсов, посвященных контркультурам, не осознают, что их друзья и они сами были участниками общественного движения, достойного сохранения своего документального наследия и академического изучения.

В третьих, значительная часть сообщества хиппи в настоящее время представляет из себя субкультуру православных воцерковленных, склонных отрицать значимость отдельных аспектов своего контркультурного прошлого, и в первую очередь – активного участия в перестройке или процессах, которые к ней привели.

Инициатива хиппи, внесших значительный вклад в публичную историю своего движения, без сомнения, должна быть поддержана академическим сообществом, и в первую очередь историками.

Однако прежде чем историки смогут приступить к своим исследованиям, необходимо более подробно рассмотреть вопросы, связанные с источниковедческой базой, с учетом тех возможностей, которые открылись в связи с новейшими разработками в области применения информационных технологий, цифровой гуманитаристикой (digital humanities) и методами цифровой истории (digital history) в том числе. Кажется целесообразным использовать рост исторического самосознания бывших участников движения (простимулированный, с одной стороны, современной социально-политической ситуацией в России, а с другой – возможностями интернет-технологий) для мобилизации их усилий по архивированию источников, в том числе из личных архивов.

Как показала история, ни государственные, ни существующие сегодня в России общественные архивы и библиотеки не готовы заниматься сбором и публикацией архивов и других материалов по истории НСД. Крупнейшие государственные библиотеки России – РГБ, ГПИБ, РНБ – приступили в 1989 г. к комплектованию своих фондов материалами альтернативной периодической печати, но к настоящему времени это направление сохранено лишь у ГПИБ¹⁷.

Помимо того, в России есть масса проблем как объективного (тайна персональных данных), так и субъективного (ведомственность, ужесточение политики секретности) характера с доступом к источникам официального происхождения позднего советского времени. Многие из них связаны в том числе и с тем, что постсоветские архивы – точно так же как и советские – не соответствуют «культурно-гуманитарной» модели архива¹⁸, являются институциями государственной, а не общественной памяти и даже не ставят перед собой цели способствовать осуществлению горизонтальных коммуникаций в гражданском обществе. Понятно, что при таком подходе рассчитывать на полноценное комплектование современных государственных архивов документами по истории гражданского общества не приходится.

Комплектованием фондами политических партий и общественных организаций занимаются такие государственные архивы, как РГАСПИ, РГАНИ, ЦАОПИМ и ГАРФ¹⁹. Они крайне слабо и несистематично комплектуются документами новейших политических партий, общественных организаций и НКО. Состав фондов, связанных с историей общественных движений последних тридцати лет, в этих архивах беден, их содержание в основном нерепрезентативно. Малочисленные, часто случайные по составу и содержанию, эти фонды никак не отражают многообразия

активности российского гражданского общества позднего советского и постсоветского периодов. Ситуация напоминает положение с комплектованием документами частного бизнеса 1990–2000 гг.: они не поступали на государственное хранение и практически совсем утрачены²⁰.

Казалось бы, альтернативой государственным архивам в области собирания и публикации такой документации могли бы стать общественные и частные хранилища и библиотеки. НСД возникли еще в позднее советское время и долгое время сосуществовали с диссидентским движением в одном культурно-информационном пространстве. Материалы самиздата и новой политической прессы – бесценный источник для изучения предшественников новых движений 1970–1980-х годов, однако они расплывлены по многим хранилищам, часть из которых в последнее время просто прекратила свое существование²¹. Практически все крупные фонды и коллекции самиздата и альтернативной периодической прессы были основаны в 1988 – начале 1989 г., но период их активного комплектования был недолог (как правило, до начала 1990-х годов); в течение 1990-х годов почти все они были закрыты, а собрания либо переданы в государственные библиотеки, либо утрачены²². Одними из немногих собраний, доступных в настоящее время исследователям, являются коллекции ИНПЦ Мемориал (Москва) и архив А.Д. Сахарова, однако они не занимаются комплектацией документов НСД и современных общественных организаций.

В подобной ситуации внимание историка, находящегося в поиске исторических источников для изучения НСД, перемещается на Запад. Действительно, западная архивная россика позднего советского и раннего постсоветского периода представляет собой нечто вроде Клондайка, доступность которого стремительно растет в связи с развитием электронных НСА. Так, например, многочисленные документы по истории советского низового мирного движения можно найти в Архиве Открытого общества (Будапешт)²³, в архиве Международного института социальной истории (Амстердам)²⁴, в архиве Лондонской школы экономики²⁵, в Digital Archives Wilson Center²⁶, в архивах различных западных правозащитных и мирных организаций, в сетевых online-архивах зарубежной прессы, в личных фондах правозащитников и мирных активистов, во множестве других хранилищ международных и общественных организаций.

Такое разнообразие архивных коллекций за рубежом объясняется транснациональным характером пацифистских движений, который выражался в контактах его советских и российских участников с единомышленниками за рубежом, в трансграничной цир-

куляции текстов, в проведении совместных акций и мероприятий, в постоянном деятельном внимании зарубежной общественности к деятельности активистов низовых инициатив в СССР. Поиск следов таких контактов, взаимосвязей и взаимовлияния – сложная и продуктивная задача для историков и архивистов²⁷.

Дополнительным способом архивирования и публикации документов по истории НСД может стать виртуальное пространство, перспективы использования которого интуитивно почувствовали представители сообщества бывших советских хиппи, пытаясь написать собственную историю online. Насколько возможности современных информационных технологий могут способствовать решению проблем, связанных с реконструкцией «гипотетического» архива социальных движений? Мы предлагаем подход, основанный, во-первых, на теоретических наработках в области методов реконструкции фондов, а во-вторых, в археографическом плане с учетом специфики электронной публикации документов.

В отечественной архивоведческой традиции существует особое направление теоретического поиска – реконструкция архивных фондов²⁸. В практическом плане такая реконструкция означала, согласно определению, данному в «Словаре современной архивной терминологии социалистических стран»: «1) восстановление основного содержания частично или полностью утраченного архивного фонда в его первоначальном или близком к первоначальному виде с помощью идеальной (гипотетической) описи²⁹; 2) воссоединение в одном архиве разрозненных частей архивного фонда и составление его реальной³⁰ описи»³¹.

Изначально методика реконструкции архивных фондов имела своей целью именно восстановление утраченных *архивных фондов* и основана на сочетании источниковедения с методиками архивоведения, историографии, исторической антропологии и других гуманитарных дисциплин. Однако важно различать *архивный* и *документальный* фонды, где последний есть «совокупность документов, образующихся в процессе деятельности организации или лица (лиц)», возникающая «как следствие деятельности того или иного учреждения, а не как результат усилий архивиста»; в то время как *архивный* фонд – это «документальный фонд или его часть, принятые на государственное хранение, либо сформированная в архиве обособленная совокупность документов, исторически и/или логически связанных между собой (является учетной и классификационной единицей ГАФ)»³². Таким образом, одним из возможных решений задачи преодоления распыленности источников по истории НСД может стать виртуальная реконструкция документального фонда,

представляющего собой некую гипотетическую совокупность³³ документов, которые были созданы в процессе жизнедеятельности несостоявшегося фондообразователя. При этом речь идет о реконструкции не только фондов, но и коллекций по истории таких движений.

Уже советские архивисты, помимо необходимости физического воссоединения фонда в одном архивохранилище, рассматривали возможность решения проблем реконструкции фондов «путем использования средств *гипотетической реконструкции* – создания гибких НСА, улучшения информационной деятельности, уточнения профилей комплектования архивов и использования множительной техники»³⁴. В идеале такие проекты должны были заканчиваться «пофондовыми публикациями» («не только воспроизведение материалов одного архивного фонда, а введение в научный оборот всего комплекса документов, образованного тем или иным учреждением, организацией, лицом, независимо от места хранения») ³⁵. Западная архивная мысль развивалась в том же направлении, особенно в связи с развитием информационных технологий, которые позволили разработать и принять международные стандарты архивных описаний на основе принципа совместимости архивных фондов.

Методику реконструкции утраченных фондов, разработанную российскими архивистами, можно применять и для конструирования фондов и коллекций НСД. Такая задача требует в том числе и выявления и приведения в систему *закономерности поиска документов* по их истории (по мнению В.Н. Автократова, эвристические закономерности «проявляются и повторяются при наложении типических поисковых задач на существующие средства архивного поиска, которые также имеют свои закономерности») ³⁶. Смысл реконструкции – не просто найти некоторое количество документов того или иного движения, а попытаться установить между ними связь, уловить качественную закономерность образования данной совокупности и поддерживать ее целостность³⁷.

Начальным этапом такой реконструкции является конструирование историками схемы сетей, составляющих основу того или иного социального движения и состоящих из различных групп, кружков, клубов и других организаций, семинаров, персоналий, печатных изданий, информационных событий и т. п. Следующий этап – это коллекционирование в виртуальном пространстве документов, созданных как самими участниками сети, так и внешними наблюдателями. Это коллекционирование сопровождается описанием известных и утерянных документов и материалов через так

называемые следы (footprints). Так, работая над проектом «Советская периодика самиздата» (основной целью которого было создание базы данных периодических изданий неподцензурной прессы позднего советского периода), исследователи столкнулись с тем, что к моменту описания некоторые издания были безвозвратно утрачены по ряду причин (потеряны, уничтожены, конфискованы при обысках и т. д.), однако о них сохранилась информация в воспоминаниях, интервью или в других периодических изданиях³⁸.

Методика и результативность поиска подобных «следов» зависит от многих факторов, далеко не всегда удается получить более или менее убедительную информацию о тираже изданий, количестве сохранившихся экземпляров, редакторах и авторах; кроме того, такой подход требует дополнительных материальных средств на информационную эвристику, поиск свидетелей и т. д. Подобные трудности довольно часто приходится преодолевать при работе с документальным наследием социальных движений как отдаленного прошлого, так и существующих в настоящее время. Однако развитие информационных технологий позволяет внедрять новые методы поиска и архивирования распыленных и разрозненных документальных источников.

В качестве примера можно привести опыт европейского культурно-информационного портала *Europeana*, который можно описать таким термином, как «краудсорсинг» (crowdcoursing)³⁹. В рамках по крайней мере двух проектов *Europeana* использовала этот метод для пополнения своей виртуальной коллекции, причем не только при помощи обычного в таком случае призыва «пришлите мне ваши документы», но через организацию специальных кампаний в разных странах и городах, в рамках которых обладатели частных архивов и коллекций могли прийти и на месте подготовить документы и артефакты (предметы, произведения искусства и т. д.) к электронному архивированию (digitalization, или создание цифровых копий); при этом оригиналы могут оставаться как в частных коллекциях, так и передаваться на хранение в традиционные архивы⁴⁰.

Краудсорсинг, таким образом, позволяет передавать неструктурированные ресурсы (неописанные документы) профессиональным структурам, которые могут решать сложные проблемы, связанные с обработкой, сохранением и публикацией исторического документального наследия в форме их цифровых репрезентаций (копий). Однако только достаточно крупные организации могут позволить себе подобную практику (в основном за счет грантовой поддержки), поэтому встает вопрос о возможностях повседневного онлайн-краудсорсинга. Вопрос заключается в том, насколько

подобная мобилизация может иметь стабильную структуру и привести к новой, низовой по природе, форме самоорганизации фондообразователей и коллекционеров. Для этого разрабатываются различные методы, среди которых особое место занимают онлайн-презентации (online demonstrations, или online demo), разного рода виртуальные платформы, открытые аннотации (online annotations) и игры.

Одним из примеров онлайн-платформы может служить *Parallel Archives* (Параллельный архив) – цифровой проект Архива Открытого общества, целью которого является реализация возможности взаимного обмена документами историками и другими гуманитариями. На базе этой платформы исследователи получают возможность пользоваться архивными ресурсами совместно, не дожидаясь, пока необходимые им документы будут оцифрованы в централизованном порядке⁴¹.

Parallel Archives позволяет хранить и организовывать оцифрованные архивные документы как в закрытом, так и открытом доступе. Несомненным достоинством этой программы является возможность перевода цифровых копий в текстовый формат при помощи программы оптического распознавания объектов. Недостатком программы (над устранением которой сейчас работают создатели платформы) пока остается отсутствие функции создания и управления онлайн-группами (community-based features). Появление таких групп, построенных по принципу функционирования социальных сетей, является еще одним знаковым феноменом и свидетельством тех фундаментальных изменений, которые происходят в современной научной коммуникации под влиянием развития интернет-технологий, заново обративших внимание профессионального сообщества на проблемы социальной пользы науки, необходимость обсуждения результатов научных исследований и т. д.⁴²

Не менее широко для описания участия любителей и непрофессионалов в научных исследованиях стал использоваться тесно связанный с понятием краудсорсинга термин *citizen science*, или сетевая гражданская наука⁴³ – «систематический сбор и анализ данных, разработка технологий, тестирование естественнонаучных феноменов и распространение результатов подобной деятельности на преимущественно добровольной основе»⁴⁴.

Январский номер *Harvard Magazine* посвятил этой теме большую часть своего выпуска⁴⁵, но основной упор был сделан на естественные науки, где практика применения сетевой гражданской науки дала наибольший результат. Тем не менее она нашла своих

последователей и среди гуманитариев, став одним из важных элементов *digital humanities* (ДН)⁴⁶. При этом, как отмечают многие специалисты, «цифровые гуманитарные науки предполагают не только использование компьютера как исследовательского инструмента, но и расширение цифрового историко-культурного наследия путем публикации электронных ресурсов, реконструкций и визуализаций. Без таких публикаций исследование может быть компьютеризированным, но не может относиться к направлению ДН»⁴⁷.

В дальнейшей перспективе собирание, сохранение и публикация исторических источников по истории новых социальных движений может с успехом использовать технологии ДН, включая элементы сетевой гражданской науки и краудсорсинга. Существующие наработки в этой области делают вполне реальной реконструкцию таких социальных движений, как независимое мирное и пацифистское движения, экологическое, феминистское, ЛГБТ-движения, панк- и прочие молодежные движения, движение в защиту прав инвалидов и в защиту прав потребителей, движение «новых левых», различных праворадикальных движений, а также антифашистского движения, в защиту прав животных и вегетарианского движения.

Реконструкция документального фонда независимого мирного движения позднесоветского периода и публикация найденных документов важна не только для воссоздания истории этого феномена, но является неотъемлемой частью политики памяти, призванной скорректировать коллективные воспоминания, связанные с историей общества позднесоветского и постсоветского времени. Выполнение подобной задачи послужило бы цели гуманитаризации позднего советского и постсоветского архивного наследия, его ориентации на развитие самосознания гражданского общества.

Примечания

- ¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 339.
- ² Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 306.
- ³ Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб., 2007.
- ⁴ Scott A. Ideology and the New Social Movements. L., 1990. P. 19.
- ⁵ Аксютина О. «Если я не могу танцевать, это не моя революция!»: DIY панк/хардкор сцена в России. М., 2008. С. 27.
- ⁶ Штомпка П. Указ. соч. С. 339.
- ⁷ Там же. С. 339–340; см. также: Scott A. Op. cit. P. 33.

- ⁸ См., например: *Kenney P.* Framing, Political Opportunities, and Civil Mobilization in the Eastern European Revolutions: A Case Study of Poland's Freedom and Peace Movement // *International Journal*. 2001. № 2. P. 193–210; *Szulecki K.* "Freedom and Peace are indivisible": On the Czechoslovak and Polish Dissident Input to the European Peace Movement 1985–1989 // *Transnational Perspectives on Dissident and Opposition in Central and Eastern Europe*. Warsaw, 2012.
- ⁹ Отказники – «люди, которым отказывали в выездной визе» (*Морозова М.А.* *Анатомия отказа*. М., 2011. С. 9).
- ¹⁰ *Щепанская Т.Б.* Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // *Школьный быт и фольклор: В 2 ч. Ч. 1*. Таллинн, 1992. С. 162.
- ¹¹ См. полнотекстовый вариант ХТС. [Электронный ресурс] URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (дата обращения: 1.08.2016).
- ¹² HU OSA 300-85 Samizdat Archives, Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute, Open Society Archives.
- ¹³ Личные сайты бывших советских хиппи: «Владимир Солдатов» (<http://vladimir-soldatov.narod.ru/>); «Берлога старого Лонга» [В. Бояринцев] (<http://bazilevs.narod.ru/>); «Авторский сайт Володи Бороды» (<http://vlboroda.narod.ru/>); «В гостях у Пони» (<http://www.ponia1.narod.ru/>); «Хиппи. Папа Леша» (<http://papa-lesha.ru>) (особ. см. библиотеку сайта: <http://papa-lesha.ru/vokrug/index.htm>); «Владимир В. Видеман» (<http://www.guzmanmedia.com>) и др. Также имеются многочисленные блоги: <http://pessimist-v.livejournal.com/>; <http://caps-lo.livejournal.com/profile>; <http://nectarius.livejournal.com/>, которые содержат в себе интереснейшие материалы, в том числе и исторического плана.
- ¹⁴ Например, «хип-архив Глаши Мо». [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/user/arhivglashamo/videos> (дата обращения: 29.08.2016).
- ¹⁵ <http://www.hippy.ru>; <http://hippydom.kamrbb.ru>; <http://dirtyhippy.kamrbb.ru>; <http://sistemafriend.ucoz.ru>. Лишь два интернет-ресурса были созданы профессиональными исследователями: <http://www.hippy.ru/>; <http://hipiji.lv> (Л. Золнєровица); <https://www.facebook.com/soviethippies> (Т. Тоомисту).
- ¹⁶ *Лемко И.* Львів понад усе. 2-ге вид. доп. Львів, 2007; *Лемко І.* Сні у Святому Саду. Львів, 2010; *Хіппі у Львові: Альманах.* Львів, 2011; *Хіппі у Львові: Альманах.* Вип. 2. Львів, 2012; *Олісевич А.* Революція квітів. Львів, 2013 и др.
- ¹⁷ *Струкова Е.Н.* Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М., 2005. С. 17–18.
- ¹⁸ *Глебова И.И.* После советского: Какой архив мы выбираем? // *Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив*. М., 2010. С. 67, 75, 76, 79.
- ¹⁹ *Изварин А.В.* Пополнение госархивов документами современных общественно-политических объединений (на примере РГАСПИ и ЦАОПИМ) // *Отечественные архивы*. 2006. № 5. С. 39–43.
- ²⁰ *Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив*. М., 2010. С. 24.

- 21 Подробнее о таких архивах: Бюллетень Германского исторического института в Москве. 2010. № 4.
- 22 *Струкова Е.Н.* Указ. соч.
- 23 Open Society Archives (OSA). [Электронный ресурс] URL: <http://www.osaarchivum.org> (дата обращения: 30.10.2016).
- 24 Международный институт социальной истории (Амстердам). [Электронный ресурс] URL: <http://socialhistory.org/en/archives> (дата обращения: 30.10.2016).
- 25 Архив Лондонской школы экономики. [Электронный ресурс] URL: <http://archives.lse.ac.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=END> (дата обращения: 30.10.2016).
- 26 Цифровой архив Центра Вильсона. [Электронный ресурс] URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/theme/cold-war-history> (дата обращения: 30.10.2016).
- 27 При этом недостаток зарубежных архивов состоит в их распыленности и дороговизне поездок к месту хранения материалов.
- 28 *Курляндский И.А.* Проблемы реконструкции архивных фондов (в работах советских исследователей 1917–1991 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Белиловская М.Е.* Институт живого слова, 1918–1924 гг.: Опыт реконструкции фонда: Дипломная работа студентки V курса дневного отделения. М.: ИАИ РГУ, 1997. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/29607084/Институт_Живого_Слова_1918-1924_гг._Опыт_реконструкции_фонда (дата обращения: 02.11.2016); *Горяева Т.М.* Реконструкция: От методик и технологий до исторических полотен и системных исследований // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV Науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М., 2002. С. 177–180.
- 29 *Идеальная опись* архивного фонда – архивная опись, в которой зафиксированы все единицы хранения, относящиеся к данному архивному фонду, как хранящиеся в архиве, так и находящиеся вне его, а также погибшие и уничтоженные, о которых имеются соответствующие сведения (Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Вып. 2. М., 1988. С. 50).
- 30 *Реальная опись* – архивная опись, в которой зафиксированы все реально существующие единицы хранения данного фонда, находящиеся в одном архиве (Словарь современной архивной терминологии... С. 140).
- 31 Словарь современной архивной терминологии... Вып. 1. М., 1982. С. 143.
- 32 Там же. С. 23.
- 33 *Автократов В.Н.* О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов: На примере фонда военного приказа // Исторический архив. 1961. № 6. С. 151.
- 34 *Белиловская М.Е.* Указ. соч. С. 24.
- 35 Там же.
- 36 Цит. по: *Белиловская М.Е.* Указ. соч. С. 27.
- 37 Там же. С. 31.

- ³⁸ Komaromi A. About Samizdat. [Электронный ресурс] URL: <http://samizdat.library.utoronto.ca/content/about-samizdat> (дата обращения: 29.08.2016).
- ³⁹ Краудсорсинг (от английского слова *crowdsourcing*, где crowd – толпа и sourcing – подбор ресурсов) – это особая практика работы над проектом, которая предполагает привлечение добровольцев (чаще всего неспециалистов).
- ⁴⁰ Описание таких проектов, как Europeana 1914–2014, посвященного истории Первой мировой войны, и Europeana 1989: We Made History [Электронный ресурс] URL: <http://www.europeana1989.eu/en/> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴¹ Parallel Archive – цифровой проект OSA [Электронный ресурс] URL: <http://www.parallelarchive.org> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴² Kulczycki E. Transformation of Science Communication in the Age of Social Media // *Teorie Vdy / Theory of Science*. 2013. Vol. 35. № 1. P. 3–28.
- ⁴³ Другие названия – crowd science, crowd-sourced science, civic science, или networked science. Иногда гражданская наука описывается через такие термины, как «участие общественности в научном исследовании» (public participation in scientific research).
- ⁴⁴ Проект “OpenScientist” [Электронный ресурс] URL: <http://www.openscientist.org/2011/09/finalizing-definition-of-citizen.html> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴⁵ Изложение на русском языке смотри на сайте Теории и практики [Электронный ресурс] URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/8396-popular-science> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴⁶ Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): В поисках самоопределения // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 3 (26). С. 5–12.
- ⁴⁷ *Defining Digital Humanities: A Reader* / M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte (eds.). Ashgate Publishing Ltd, 2013. Цит. по: Володин А.Ю. Указ. соч. С. 77.

Боевой опыт русской армии:
страницы истории военной археографии
конца XIX – первой половины XX в.
Ч. 2. 1920-е годы

Серия статей посвящена проблемам организации военно-исторической службы русской армии и использования боевого опыта Российской империи периода Первой мировой войны в начале – середине XX в., а также судьбам археографических проектов, связанных с публикацией военных документов. Основное внимание уделено деятельности и изданиям военно-исторических комиссий Главного (затем Генерального) штаба империи, в советский период – Всероссийского Главного штаба РККА. Прослеживаются судьбы военных редакторов и готовившихся ими изданий военных документов, прежде всего, по истории Первой мировой войны. Особый акцент сделан на проблемах организации работы и вопросах археографии и источниковедения военной истории, связанных с изучением истории «Великой войны».

Ключевые слова: военная археография, Первая мировая война, источниковедение военной истории.

Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (ВИК – Военно-историческая комиссия) при Всероглавштабе, после реорганизации в ноябре 1918 г., продолжила работу под руководством генерал-майора Александра Андреевича Свечина (в царской армии являлся командиром дивизии; 1878 – июль 1938).

Но уже с 15 августа 1918 г. к работе в ВИК приступила редколлегия, назначенная приказом Наркомвоендела № 688 от 13 августа. Первый начальник Комиссии, генерал В.Н. Клембовский